

— Игорь, ты один из преданных поклонников Моцарта. Как ты оцениваешь юбилейный сезон у нас в стране?

— Поклонение бывает разное... Глосарят, в аппарате Президента есть человек, который следит за соблюдением всех юбилейных дат, должностных быть упомянутыми в речах хозяина. Такое прагматическое «поклонение» очень распространено и часто перерастает в настоящий формализм, попахивающий гнильцой.

Отмечать можно по-разному. Можно вежливо поздравить с днем рождения. А можно ощущать человека как самого себя. Это последнее выглядит не нарочито, но истинно.

— Вы еще два года назад провели моцартовский сезон...

— Это была попытка «заглянуть Моцарту под парик», рассмотреть попристальнее. Тогдашний репертуар был из разряда редко исполняемого. И все равно чувствовали: это минимум. Ведь у Моцарта свыше 600 произведений! Моцарт — это не только «Реквием». Как Бетховен — не только «Аппассионата», а Чайковский — не только «Танец маленьких лебедей»... И уже тогда мне, конечно, было страшно интересно: что же мы все услышим в год Моцарта?

— И что же Вы услышали?

— Среди абонементов были специально Моцартовские. Но ничего нового в подборе сочинений. Все по старым шаблонам, которые как бы витают в воздухе. Например, «кужающийся себя пианист» должен (кому?) играть Сонату Листа, Первый концерт Чайковского, а раз в год непременно выступить в БЗК. Фаина Раневская на вопрос о состоянии театрального искусства как-то ответила: «Пропап трепет». А без горячего личного чувства самое грандиозное торжество превращается в «мероприятие».

Яркий пример безобразной официальности — 5 декабря (день смерти Моцарта) в ГАБТЕ «Реквием» с австрийцами! Грандиозно!... А ведь важно — плохо это было или хорошо.

— Согласен. Тут, видимо, сказались сталинские традиции парадно-юбилейных концертов. Высочайшие особы в ложах, где-то вверху — портрет «юбиляра»... Но Моцарт и политика — две вещи несовместные.

— Я не очень задумывался, был ли «год» и каков он вышел. Для меня самого и оркестра он и не заканчивался.

— Наверное, ты давно связан с музыкой Моцарта?

— Наоборот! За двадцать пять лет жизни солиста Моцарта я сыграл катастрофически мало.

— ?

— Артур Рубинштейн в одном из телеинтервью сказал примерно следующее: «Играя Моцарта, сейчас непременно изобретают контрасты, конструируют какой-то необыкновенно сложный «стиль». А у него — р, f, точная и скромная артикуляция. Без мишуры». По всей видимости, загадка Моцарта — именно в простоте. И в молодости я боялся играть его, интуитивно чувствуя, как опасно «стерилизовать» стиль. В те годы господствовали стереотипы вроде канона Гольденвейзера («Бах — это ровно, моторно, строго» и пр.). А потом появился Глен Гульд и сломал все это. Дело не в

стерильности марли, а в том, что под ней.

Нейгауз мне ничего не навязывал. А не играл я Моцарта потому, что чувствовал: рано. Именно осторожность в обращении с Моцартом вызвала некую работу души. Постепенно нарастало понимание музыки вокруг него, воздуха его эпохи, устанавливались логические связи и ассоциации. И к Моцарту я пришел не пальцами, а палочкой.

В чем гений Моцарта? Если Бах суммировал результаты, достигнутые европейской музыкой, то Моцарт — ее потенция. И вообще потенция мирового музыкального космоса.

Сейчас оркестр осваивает Стамица,

изящество Концерта для кларнета привели слушателей в состояние светлого ожидания чуда. Того, что интриговало уже самим названием: «Реквием» в исполнении детского хора студии «Полет» из подмосковного города Жуковский.

— ...Словом, я считаю огромным везением, что я не тронул Моцарта раньше времени и не закснел в своих и чужих догмах.

Постепенно прибавил к пианистическому репертуару несколько фортепианных концертов. А потом потянулся к «неизвестному» Моцарту. То есть к Моцарту вообще. Когда мы работали над предварительным сезоном навстречу году Мо-

ДЛЯ МЕНЯ ГОД МОЦАРТА

Российская музыкальная газета 1992 г. № 1-2. С. 2.

И НЕ ЗАКАНЧИВАЛСЯ...

Игорю Жукову — 55 лет. Четверть века ученик Г. Нейгауза колесил по городам и весям, завоевав славу тонкого, оригинального пианиста. Выступает и сейчас. Но чаще всего как дирижер выпестованного им Московского камерного оркестра. РМГ не раз писала о его программах. События же прошедшего года Моцарта потребовали обстоятельной беседы с Игорем.

Фото М. ГРУШИНА.

Альбрехтсбергера, Иоганна Христиана Баха, Кожелуха. Множество людей говорили на родственных музыкальных языках, в которых много узнаваемых «слов» Моцарта. Но у Моцарта из всех этих языков получился единый слог.

— Значит, без контекста эпохи трудно понять его музыку.

— Думаю, невозможно. Зато, выигрываясь в эпоху, можно достигать в исполнении Моцарта удивительных результатов. Нет, я не переоцениваю себя. Имею в виду лишь конкретный опыт работы с оркестром. Например, Концерт для кларнета, сыгранный 13 декабря вместе с солистом Василием Желваковым, — «аккомпанемент» мы не репетировали! Наш опыт игры музыки эпохи давал свободу от всяческих «моцартовских канонов».

...Тот концерт в переполненном Колонном зале стал одним из потрясений перенасыщенного музыкальными событиями декабря. Лучезарная легкость, порхающее

царта, я уже думал и о годе 1991-м. С январем было ясно: к дню рождения сыграем что-нибудь из ранних сочинений. Например, «Бастьена и Бастьенну». А в декабре, к 200-летию со дня смерти, — что-нибудь из позднего.

Кларнетовый концерт определился сразу. А со вторым отделением было ясно лишь одно: только не «Реквием»!

— ?

— Затерто, запакано. Все и всюду будут исполнять именно «Реквием». Повторяться не хотелось. А собственного, личного импульса не было. Помог, как всегда случай.

— Тот самый, счастливый?

— Закономерный. В мае 1991-го я познакомился со студией «Полет»: мы вместе исполняли Stabat mater Перголези. Уже на репетиции я был огорашен. Ребята делали реальное дело — не заучивали материал, а осваивали его и потом в нем жили. Реакция на руку — потрясаю-

щая! У нас было 4 ксицерта, и везде они пели, а не кричали. Хор умеет петь piano. Редкое достоинство! Вскоре пришло решение: надо делать «Реквием». Делать специальную редакцию для однородного хора. у Моцарта есть прецеденты. Тем более что «Реквием» не закончен. Вот способ избежать штампов и достичь эффекта заукойной мессы, ангельского повествования. Татьяна Селищева (руководитель «Полета») тоже сомневалась, потянут ли ребята такое. Но летом в свой традиционный лагерь они поехали уже с новой редакцией.

— С чьей?

— Мы делали ее вдвоем с композитором Михаилом Броннером, и притом ударным способом: я — с середины до конца, а он — с начала.

— В чем была главная трудность?

— Я говорил об этом в своем вступительном слове на концерте. «Это не «Реквием» Моцарта, а реквием Моцарту». Это — не просто сочинение в жанре Реквиема, а Реквием для себя. Предсмертный. Посмертный. Для меня аналог — прелюдия Шопена: смертельно больной, кровью харкающий человек просто красивую музыку писать не будет...

И вдруг — предложенные «завершителем» Зюсмайром повторения начальной Фуги и «бравый» конец с громовыми аплодисментами? Так родился вариант: в конце должна звучать Lakymosa. Стержень, сердце этого Реквиема. И — поминки по Моцарту. Было простое желание — не устраивать торжественных заседаний с овациями, а тихо, спокойно разобратсья. В Моцарте, в себе, в жизни...

...Свободно и мощно звучали детские голоса, их смеляли чистые ансамбли Елены Либеровой, Ольги Корольковой, Юлии Хоменко. Несколько выбивался из общего строя маститый Константин Лисовский. Но спасибо ему: в последний момент он подменил заболевшего тенора Сергея Степина. А удивительная Lakymosa, напевная горючей страстью дирижера и трепетом чистых детских голосов, касалась души мягким крылом тихой скорби, заставляла забыть все профессиональные придирки...

Все тихо разошлись, унося с собой великопные программы с полным двуязычным текстом «Реквиема» и благодарностью сердца.

Беседовал С. РУМЯНЦЕВ.

P.S. Материал был уже готов, когда Игорь попросил внести в текст нечто для него очень важное.

Речь идет о защите имени коллектива — Московский камерный оркестр. Так же все чаще называют себя новорожденные ансамбли «Агсо» Л. Амбарцумяна, «Cantus firmus» А. Хургина... А за рубежом почему-то так же называют уже давно носящий другое имя оркестр, некогда основанный Р. Баршам.

Это положение нетерпимо — ни юридически, ни с точки зрения профессиональной этики. Оркестр Жукова получил свое имя официально, да и всей жизнью подтвердил его точность. А желающие обозначить «порт приписки» могут после латинских имен поставить в скобках «Москва».

Так стоит ли доводить дело до суда?